

Л.В. Борисова, доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»; г. Чебоксары; e-mail: ljudmila-borisova@yandex.ru

А.М. Иванова, доктор филологических наук, профессор кафедры чувашской филологии и культуры, декан факультета русской и чувашской филологии и журналистики ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»; г. Чебоксары; e-mail: amivano@rambler.ru

КЛАСТЕР «ДИКОРАСТУЩИЕ РАСТЕНИЯ» В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (русско-чувашские параллели)

В статье приведены результаты сопоставительного лингвокультурологического анализа языковых единиц, репрезентирующих кластер «дикорастущие растения» в русской и в чувашской языковых картинах мира. Значительное место в исследовании занимает анализ устойчивых сравнений, метафор и традиционных народных символов, используемых в фольклоре. Лексика выбранной тематической группы формирует один из значимых фрагментов языковой картины мира этноса, и принятая исследование вносит определённый вклад в реконструкцию целостных языковых картин мира русского и чувашского народов, а также позволяет выявить некоторые особенности национального мировосприятия.

Ключевые слова: кластер, коннотация, концепт, культурный код, лингвокультурология, менталитет, сопоставительная семантика, языковая картина мира.

Ljudmila V. Borisova, Dr. Sc. (Philology), Associate Professor at the Department of Russian Language and Russian Literature, Chuvash State University, Cheboksary, Russia; e-mail: ljudmila-borisova@yandex.ru

Alyona M. Ivanova, Dr. Sc. (Philology), Professor at the Department of Chuvash Philology and Culture, Chuvash State University, Cheboksary, Russia; e-mail: amivano@rambler.ru

THE “WILD PLANTS” CLUSTER IN THE LINGUISTIC WORLD IMAGE: RUSSIAN AND CHUVASH PARALLELS

The article offers a comparative semantic analysis of the cluster “wild plants” in the Russian and Chuvash linguistic world images. The authors analyze both direct and figurative meanings of the Russian and Chuvash words and set expression, as well as free combinations of words from a given thematic group. Also analyzed are polysemy, metaphors, symbols, connotations of various Russian and Chuvash words, phraseology and set similes in the Russian and Chuvash languages. Special attention is paid to the Russian and Chuvash folklore. The Russian and Chuvash words from any given thematic group are part of the linguistic world images of the Russian and Chuvash ethnic groups. The analysis makes its contribution to the reconstruction of the integrated linguistic world image and helps to reveal some peculiarities of the national world perception.

Key words: cluster, connotation, concept, cultural code, linguistic and cultural studies, mentality, comparative semantics, linguistic world image.

В основе данного исследования, выполненного в рамках прагматически ориентированной антропоцентрической парадигмы современного языкознания, лежит представление о том, что в семантике лексем закрепляются миропонимание и мироощущение народа, свой вариант образа мира. В статье представлены результаты сопоставительного лингвокультурологического изучения лексических и фразеологических единиц, репрезентирующих кластер «дикорастущие растения» в русской и чувашской языковых картинах мира¹. Особое внимание уделено анализу переносных значений и культурной коннотации, поскольку у каждого этноса существуют свои образно-ассоциативные способы и средства переосмысления исходных значений во вторичной номинации.

Папоротникообразные растения, согласно древним дохристианским верованиям и русских, и чувашей, связаны с нечистой силой. Древние славяне были убеждены, что в ночь на Ивана Купалу расцветает папоротник, его красный цветок помогает отыскать любой клад и может способствовать обогащению человека, обнаружившего и в полночь сорвавшего этот цветок. С рассмотренными религиозными верованиями древних славян связаны названия папоротника в русских диалектах: *ключ-трава*, *разрыв-трава*, *огнецвет*, *царь-огонь*, *цвет-огонь*. Согласно верованиям древних чувашей, с нечистой силой связаны не только *папоротники*, но и такие представители папоротникообразных, как *плауны*. Сравните чувашские названия этих растений: *шуйттан хупаххи* «папоротник (букв.: лопух злого духа *шуйттан*)», *ие курякё* «плаун (букв.: трава духа *ие*)». *Шуйттан*, согласно древним чувашским верованиям, является верховным предводителем злых божеств и духов. *Ие* у тюркоязычных народов — это духи, постоянно пребывающие в каком-либо месте.

Такие представители дикорастущих злаков, как **козлец** (чув.: *ыраш кёпчи*) и **костёр** (чув.: *ухлём*) в традиционном чувашском мировосприятии характеризуются женской символикой и положительной коннотацией. Сравните: *Ыраш пуссинчи ыраш кёпчи / Чуна лăплантармалли, / Ой, кинём, Пăраски, / Тупрăмър пурнăс тумалли* «(свад. песня) Козлец, растущий на ржаном поле, — / Отрада для души. / Ой, наша невестушка Прасковья, / Нашли мы жизненную опору» [ЧХС-4, 1979: 105]; *Сыр хёрринчи ухлёмне / Суренех утсем сиес сук. / Пёрле ўснё ачине / Качча кайса сав(ă)нас сук* «(нар. песня) Костром, растущим на крутояре, / Не сможет полакомиться рыжий конь. / Радости и счастья выйти замуж за юношу, с которым вместе выросла, / Мне не видать» [ЧХС-3, 1978: 445].

¹ См. также *Борисова Л.В.* Концепт «дерево» как лингвокультурный код // Вестник Московского государственного гуманитарного университета. Серия «Филологическое науки». 2014. № 1. С. 34–46.

Ещё один представитель дикорастущих злаков — **пырей** (чув.: *шурут*) — в традиционной чувашской культуре характеризуется мужской символикой и обладает отрицательной коннотацией. Сравните: *Сула тӑрӑх анине / Шурут пусӑр малашне. / Сакӑ Трак хӗрӗсене / Тутар илтӗр малашне* «(нар. песня) Придорожный земельный участок, / Пусть же он зарастёт пыреем. / Девушек этой деревни Трак / Пусть замуж берут татары» [там же: 42].

Из однодольных лилиецветных растений в чувашской языковой картине мира культурной коннотацией характеризуются **чемерица** и **вороний глаз**. Наименованиям лилиецветных в русской языковой картине мира культурная коннотация не свойственна.

Чемерица (чув.: *кикен*) в чувашском устном народном творчестве используется для обозначения чего-либо плохого, негодного, сравнение с этим растением служит для выражения отрицательной оценки. Сравните: *Кайрӑм сала сулӗпе, / Килтӗм вӑрман сулӗпе. / Сала сулӗ хӑйӑрӑй, / Вӑрман сулӗ пылчӑкӑй. / Хӗрсен вӑйи — вӗлтӗрен, / Арсынсен вӑйи — кикен* «(нар. песня) Пошла я по сельской дороге, / Пришла по лесной. / Сельская дорога — песок, / Лесная дорога — грязь. / Игрища девушек — крапива, / Игрища юношей — чемерица» [там же: 300].

Отрицательная коннотация проявляется в чувашском варианте названия растения **вороний глаз** — *хаяр сырли / тум-хаяр курӑкӗ* «букв.: ягоды злого духа *хаяр* / трава злого духа *хаяр*». *Хаяр* в древних чувашских религиозных верованиях — злой дух, насылающий тяжёлые, вплоть до смертельных, болезни.

Из осоковых растений в чувашской языковой картине мира культурной коннотацией характеризуются **камыш** (чув.: *хӑмӑш*) и **осока** (чув.: *хӑях*). Наименованиям осоковых в русской языковой картине мира культурная коннотация не свойственна. **Камыш** в чувашской культурной традиции характеризуется амбивалентной коннотацией. Сравнение человека с камышом, характеризующееся положительной коннотацией, в традиционной чувашской культуре используется для выражения любви, нежности. Сравните: *Атӑл урӑл леш енче / Сипрен синсе хӑмӑш пур. / Мӑн сул урӑл ку енне / Нимрен хакӑ савни пур* «(нар. песня) На противоположном берегу Волги / Растёт камыш, который тоньше нити. / На противоположной стороне большака / Живёт моя бесценная любимая» [там же: 429]. Камыш в чувашской языковой картине мира может характеризоваться и отрицательной коннотацией. Сравните строки одной из чувашских народных песен: *Сич ют килӗ хӑмӑшӑх, / Хӑмӑшӑхра сӗленлӗх. / Кӗме тӑрсан та чӑш-чӑш тӑвать, / Тухма тӑрсан та чӑш-чӑш тӑвать. / Епле пырса кӗрем-ши, / Епле пурӑнма пӗлем-ши?* «(причитание невесты) Чужой дом [имеется ввиду дом мужа] — за-

росли камыша, / В камышиных зарослях гнезятся змеи. / Змеи шипят и при входе, и при выходе. / Как же мне войти в этот дом? / Как же мне суметь там жить?» [ЧХС-4, 1979: 168].

В произведениях чувашского фольклора камыш часто упоминается в паре с **осокой** (чув.: *хӳях*), символизирующей что-либо бесполезное, негодное (*Хӳяккӳн хӳях пухать* «Лежебока соберет осоку»; *Хӳяккӳна хӳях пӳрчи, тет* «Лежебоке достанутся только семена осоки»). Эта символика присуща и паре *осока — камыш*. Сравните: *Атӳл хӳрринче хӳях нумай*, / *Сухан тесе сиес сук*. / *Атӳл хӳрринче хӳмӳш нумай*, / *Ыраш тесе вырас сук* «(нар. песня) На волжском берегу много осоки, / Но её не поешь вместо лука. / На волжском берегу много камыша, / Но его не будешь жать вместо ржи» [ЧХС-3, 1978: 53]. Анализируемая пара может также символизировать беспокойство, заботы, горести, переживания (*Шӳпчӳксем авӳтӳть ярӳнса / Хӳяхпалан хӳмӳш хушшинче*; / *Пирӳн ку ёмӳрсем иртсе пырать / Хуӳхӳна хуӳхӳш хушшинче* «(нар. песня) Раздаются соловьиные трели / Посреди зарослей камыша и осоки. / Проходит наша жизнь / Посреди горестей и забот» [там же: 52].

Среди двудольных астроцветных / сложноцветных растений и в русской, и в чувашской языковых картинах мира культурной коннотацией характеризуются василёк (чув.: *утмӳл турат*), лопух / репейник (чув.: *хулах / куршанак / тикенек*), полынь / чернобыльник (чув.: *армути / эрӳм*), осот / бодяк (чув.: *хурхух / пицен*) и чертополох (чув.: *тал пицен*).

Василёк в русской языковой картине мира характеризуется мужской символикой и положительной коннотацией. Сравните: «*Ты зачем расцвёл, / Василёк, во ржи? / Ты зачем завлёл, / Дроля мой, скажи?*» «*Я затем расцвёл, / Чтоб красивым быть! / Я затем завлёл, / Чтоб тебя любить!*» [Частушки? 1990: 434]. В чувашской языковой картине мира *утмӳл турат* «василёк» характеризуется женской символикой и отрицательной коннотацией. Сравните: *Утмӳл турат усалли / Ыр анана сая яч*. / *Сак ял хӳрӳ, усалли*, / *Пирӳн шӳллӳма сая яч* «(свад. корильная песня) Этот дрянной василёк / Испортил добрый участок. / Эта дрянная девчонка / Испортила нашего братца» [ЧХС-4, 1979: 32].

Лопух / Репейник в русской языковой картине мира характеризуется отрицательной коннотацией. Сравните русские пословицы: *Высок репей, да чёрт ему рад*. В одной из русских народных песен женщина использует отрицательно коннотированное сравнение с репейником свекра и свекрови: *Не бывать репью вровень с тынником — / Не бывать свекру против батюшки! / Не бывать репью вровень с тынником — / Не бывать-то свекрови против матушки!* [ОП, 1983: 118]. В современном русском языке лексема «лопух»

выражает значение «простоватый, несообразительный человек». В чувашской лингвокультуре сравнение человека с лопухом (чув.: *хупах / куршанак / тикенек*) используется для выражения отрицательного отношения: неприятия, осуждения, презрения. Сравните примеры из произведений чувашского устного народного творчества: *Сын арәмь сырла нек, хăвӑн арӑм хупах нек* «(посл.) Чужая жена подобна яголке, а своя — лопуху» [ЧХП-ВС, 2000]; *Тарӑн вартӑ куршанакне / Ан татӑр та ан тивӑр, / Лартӑр вӑрӑ тӑкӑиччен. / Сакӑ ялӑн хӑрсене / Ан пӑхӑр та ан илӑр, / Пурӑнчӑр шӑлӑсем ӳкӑиччен* «(корильная песня) Растущий в глубоком овраге репейник / Не трогайте и не рвите, / Пусть стоит там до сброса семян. / Не смотрите на девушек этой деревни и не берите их в жены, / Пусть живут (в девках) до тех пор, пока не выпадут (от старости) их зубы» [ЧХС-3, 1978: 59].

Полынь / Чернобыльник в русской языковой картине мира полынь характеризуется отрицательной коннотацией. Сравните: *Не я полынь-траву садил, сама, окаянная, уродилася; Чужая жена — лебѣдушка, своя — полынь горькая*. С полынью в традиционном русском сознании ассоциативно связываются горе, несчастья, страдания. Сравните: *Я посею горе во чистые поле. / Ты взойди, мое горе, черной чернобылью, / Черной чернобылью, горькою полынью!* [ОП, 1989: 227]; *Мой милѣночек уехал — / Только пыль на колесе... / Меня, горькую, оставил, / Как полынь на полосе!* [Частушки, 1990: 82]. В русской языковой картине мира имеет место концептуальная оппозиция *мѣд — полынь*, возникшая на основе оппозиции *сладкое — горькое* и связанная с оппозицией *хорошее — плохое*. Сравните: *Речи, как мѣд, а дела, как полынь; Полынь после мѣду горше самой себя*. Аналогичная концептуальная оппозиция представлена и в чувашской языковой картине мира. Сравните: *Сӑмахра — пыл тутӑ, сӑмахра — армути* «(посл.) В словах — сладость мѣда, в словах — горечь полыни»; *Армути чӗлхелӗ мар, пыл чӗлхелӗ пул, тесӗӗ* «(погов.) Да будет язык твой не полынным, а медовым» [ЧТ-ЧХК, 2003: 105]. Полынь (чув.: *армути / эрӗм*), с которой в традиционном чувашском народном сознании прежде всего ассоциируется горечь, характеризуется отрицательной коннотацией. Сравните: *Тӗрӗс сӑмах армути тутӑ калать* «(посл.) Слово правды отдаёт полынной горечью»; *Пӗччен пурӑс эрӗмрен те йӳсӗрех* «(посл.) Одинокая жизнь горше полыни» [ЧХП-ВС, 2000]. В чувашской лингвокультуре сравнение человека с полынью, так же, как и сравнение с лопухом, используется для выражения отрицательного отношения: неприятия, осуждения, презрения. Сравните примеры из произведений чувашского устного народного творчества: *Армути нек арӑма кам юратса пурӑнтӑр?* «(свад. песня) Кто уж будет любить

жену, подобную полыни?» [ЧТ-ЧХК, 2003: 32]; *Ана сиччи армути арӑм пулас сасси пур* «(свад. песня) Прошел слух, что огородная полынь собралась замуж» [там же: 67].

Отрицательной коннотацией характеризуются в русской и в чувашской культурных традициях такие дикорастущие астровые растения, как **осот** и **чертополох**. В традиционном русском народном сознании символизируют что-либо плохое, негодное, ненужное, вредное. Сравните: *Дай волю осоту, и огурцов на белом свете не станет; Чертополох да осот от соседа к соседу под тыном пробирается*. В то же время следует отметить, что чертополох в традиционной русской культуре считается растением, служащим оберегом от нечистой силы, от злых духов. Этот факт подтверждают сами названия этого растения: *чертополох* (т.е. растение, которое способно всполошить, напугать чёрта) / *чертогон-трава* (т.е. трава, изгоняющая чёрта) / *шишебарник* (то, что может побороть шиша, то есть чёрта). *Тал пицен* «чертополох» и *пицен* «розовый осот / бодяк полевой» в чувашской языковой картине мира характеризуются отрицательной коннотацией. В целях оскорбления с этими двумя растениями сравнивали друг друга девушки и парни в корильных частушках. Сравните: *Сырма танӑӑ пиценне, / Ёмӑр симӑс ларсан та, / Выльӑх пырса сиес сук. / Сакӑ яӑн хӑрӑсене, / Ёмӑр хӑрте ларсан та, / Йӑкӑт саврайна пӑхас сук*. «Даже если бодяк, вымахавший высотой с глубину оврага, / Будет стоять зелёным круглый год, / Скотина на него внимания не обратит. / Даже если девушки этой деревни / Будут красоваться в девках весь век, / Парни на них внимания не обратят» [ЧХС-3, 1978: 48]; *Уй варринчи тал пицен — / Сурри ытла хӑрӑкки. / Сакӑ яӑн каччисем — / Сурри ытла хусаххи* «В зарослях чертополоха, разросшегося посреди поля, / Половина растений — сухостой. / Среди парней этой деревни / Половина — холостяки» [там же: 112]. В чувашских народных песнях чертополох (чув.: *тал пицен*) и розовый осот / бодяк полевой (чув.: *пицен*) символизируют также душевные муки, страдания. Сравните: *Укӑлчара текех тал пицен сук, / Пулсассӑн та — йӑппи чикес сук. / Ман чӑремре текех куçсулӑ сук, / Пулсассӑн та — сынна курӑнас сук* «(нар. песня) На околице больше нет чертополоха, / А даже если и есть — шипы его не колют. / В моём сердце больше нет слёз, / А даже если и есть — люди их не увидят» [ЧХС-4, 1979: 349].

Страдания, душевные муки, горести, несчастья, переживания символизирует в чувашской языковой картине мира также **хурхух «осот полевой / осот молочайный»**. Сравните строки из чувашских народных песен: *Пуян, пуян, тееççӑ, / Пуянӑ мар, мӑянӑ, / Мӑянӑ мар, нушийӑ. / Хул, ай, таран хурхухӑ, / Хурхухӑ мар, хурлӑхӑ* «(свад. песня). Говорят, что семья, в которой тебе предстоит жить, богата, /

Не богатства там полно, а лебеды, / Не лебеды, а беды. / По плечи там осот, / Не осот, а горе» [ЧХС-4, 1979: 44].

Из бурачниковых растений в чувашской языковой картине мира культурной коннотацией характеризуется **липучка** (чув.: *ана пыйти*), которая в традиционной чувашской лингвокультуре характеризуется отрицательной коннотацией. Лексема «ана пыйти (букв.: вошь земельного участка)» в чувашском языке выражает переносное значение «(презр.) шваль, ничтожество (о человеке)» [ЧРС, 1982: 34]. Наименования бурачниковых растений в русской языковой картине мира не характеризуются определённой культурной коннотацией.

Представитель гвоздичноцветных растений **конский щавель** (чув.: *ут кёпси*) — в чувашской языковой картине мира характеризуется отрицательной коннотацией. Сравните строки из чувашской народной солдатской песни: *Атӑл хёрёнчи ут кёпси / Кайса татакан та сук. / Патшан ырӑ хулине / Ырласа каякан та сук* «(солд. песня) Растущий на волжском берегу конский щавель / Никто не рвёт. / В славный город нашего царя / Никто не едет с удовольствием» [ЧХС-3, 1978: 107].

Ярко выраженной культурной коннотацией и в русской, и в чувашской языковых картинах мира характеризуется ещё один представитель гвоздичноцветных растений — **лебеда** (чув.: *мӑян*). В русском языковом сознании с лебедой связаны следующие ассоциации: 1) девушка, вызывающая негативную оценку, достойная порицания (*В той деревнюшке малина / Целу зимушку манила. / А теперя — лебеда: / Не манит меня туда* [ОП, 1989: 38]; *Вырастили в огороде лебеду, людям — на смех, себе — на беду* (о непутевой дочери); 2) горе, беда (*В поле тебе лебеды, да в дом три беды* (проклятие); *Мужик на счастье сеял хлеба, а уродилась лебеда*); 3) отсутствие достатка, бедность, нужда (*Мы свата не знали, / Двора не угадали, / Теперь мы узнали / И двор угадали: / Весь двор под горою, / Зарос лебедю, / Сенцы под горкою — / Заросли лебёдкою* [ОП, 1989: 32]). Лебеда (чув.: *мӑян*) в чувашской языковой картине мира характеризуется преимущественно отрицательной коннотацией: *Мӑян мӑйӑр пани сук* «(погов.) От лебеды не будет орехов»; *Пирён пата пырсассӑн, / Мӑй, ай, таран мӑянӗ, / Мӑянӗ мар — пуянӗ. / Пирён пата пырсассӑн, / Хул, ай, таран хурхухӗ, / Хурхухӗ мар — хурлӑхӗ* «(свад. песня) Когда переедешь к нам, / Увидишь лебеду по шею. / Не лебеда по шею, а богатство. / Увидишь также осот по плечи. / Не осот по плечи, а страдания» [ЧХС-4, 1979: 44].

Из зонтикоцветных растений культурная коннотация характерна для отдельных наименований зонтичных / сельдерейных (*борщевик, дудник, сныть*). **Дудник** (чув.: *шӑма кёпси*) в чувашской языковой

картине мира характеризуется женской символикой (один из многочисленных символов девушки) и положительной коннотацией. Сравните: *Шайма кёңси нит тутлă: / Иртен-сўрен нит татать. / Элиел хёрё нит аван: / Иртен-сўрен куç хывать* «Дудник очень вкусен, / Проходящие мимо него с удовольствием его срывают. / Девушка из деревни Эльжелъ очень красива, / Проходящие мимо неё с удовольствием ею любят» [ЧТ-ЧХК, 2003].

Борщевик (чув.: *пултăран*) и **снить** (чув.: *серте*) в чувашской языковой картине мира характеризуются мужской символикой. Сравните: *Анне ывăлĕ пуличчен, / Аса пултăран пулас-мĕн...* «Чем быть сыном моей матушки, / Лучше бы мне родиться мужской особью борщевика...» [там же: 153]; *Серте ухмах, ай-хай, ухмах: / Юрлă-пăрлă шыв сине тухать те, / Пур хурлăхне вăл курать. / Пултăранĕ аслă, ай-хай, аслă: / Хёвел енне тухать те, / Пур ырлăхне вăл курать. / Аслă ывăлĕ ухмах, ай-хай, ухмах: / Чăн малтан ситĕнет те, / Пур йывăрлăхне вăл курать. / Кёсĕн ывăлĕ аслă, ай-хай, аслă: / Чăн кайран ситĕнет те, / Пур ырлăхне вăл курать* «Снить глупа, ой, глупа: / Прорастает в земле, сырой от таяния снега и льда, / И ей достаются одни горести. / Борщевик умён, ой, умён: / Прорастает на солнечной стороне, / И ему достается всё благо. / Старший сын глуп, ой, глуп: / Подрастает раньше всех, / И ему достаются одни горести. / Младший сын умён, ой, умён: / Подрастает позже всех, / И ему достается всё благо» [ЧХС-4, 1979: 209].

Из кувшинкоцветных растений в чувашской языковой картине мира культурной коннотацией характеризуется **кувшинка белая / водяная лилия** (чув.: *кўкёрчен*). Это растение в произведениях чувашского устного народного творчества может символизировать девушку или парня, служит для выражения любви, нежности и характеризуется положительной коннотацией. Сравните: *Аслă шыв хёрринчи кўкёрчен / Шыва каяссан туйăнать. / И, шыва кайин кайёчĕ, / Ешĕл сулси шел анчах. / Аппасăмах ырă Анна пур, / Сая каяссан туйăнать. / И, сая кайин кайёчĕ, / Самрăк пуçĕ шел анчах* «(свад. песня) Кувшинка, растущая у берега широкой реки, / Кажется, рискует уплыть по воде. / А хоть бы и уплыла, / Жаль только её зелёных листьев. / Милая сестрица Анна, / Кажется, рискует пропасть просто так. / А хоть бы и пропала, / Жаль только её молодую головушку» [там же: 99]; *Кўлĕ варринчи чечеке / Татса илсе пулмарĕ. / Чун юратнă ачине / Качча тухса пулмарĕ* «(нар. песня) Цветок, распустившийся посреди озера, / Сорвать я не смогла. / За парня, которого любила всей душой, / Замуж выйти я не смогла» [ЧТ-ЧХК, 2003: 182]. Наименования кувшинкоцветных растений в русской языковой картине мира не характеризуются культурной коннотацией.

Отрицательной коннотацией характеризуется в русской языковой картине мира представитель розоцветных крапивных растений — **крапива** / жгучка / жалива / стрекава (чув.: *вѣлтѣрен*). Сравните: *Злое семя крапива: не сварить из него пива*. В традиционном русском народном сознании крапива может символизировать всё дурное, плохое, вредное, негодное. Сравните: *Крапивное семя* «чиновники, занимающиеся крючкотворством и взяточничеством»; *Крапивник* «внебрачный ребенок»; *Узнаешь, чем крапива пахнет; С ним водиться, что в крапиву садиться; Хороша слобода, да крапивой поросла*. В русском языковом сознании крапива обладает женской символикой. Сравните: *На лицо красива, а на язычок — крапива; Не всякая мачеха — крапива, не всякая падчерица — маков цвет; Богоданны сестрицы — крапива жгучая*. В традиционном чувашском народном сознании отношение к крапиве (чув.: *вѣлтѣрен*) является амбивалентным. С одной стороны, чувашский фольклор содержит достаточно большое количество частушек, в которых представлены ассоциативные сравнения с крапивой, выражающие оскорбление. Сравните: *Карта сумѣнчи вѣлтрене / Сумяр суса ўстермен, / Йытсем шярса ўстернѣ. / Сакӑ ялӑн хӗрсене / Ашшӗ-амӑш ўстермен, / Яшсем пӑхса ўстернӗ* «Крапива у забора / Выросла, политая не дождем, а собачьей мочой. / Девушек этой деревни / Вырастили не родители, / А парни» [ЧХС-3, 1978: 51]; *Вѣлтѣренӗн вӑррине / Акӑр мунча тӑррине. / Сакӑ ўсӗр йӗкӗтсене / Ярӑр силос шӑтӑкне* «Семена крапивы / Следует посеять на крышу бани. / Этих пьяных парней / Следует бросить в силосную яму» [ЧХС-4, 1979: 392]. С другой стороны, немало и произведений чувашского устного народного творчества, в которых представлено положительное отношение к крапиве. Сравните: *Вӑхӑтра вѣлтѣрен те илемлӗ* «(посл.) В определённое время прекрасна и крапива» [ЧХП-ВС, 2007: 87]; *Ачи вӗтӗ ан тейӑр: / Вӗт пулсан та — вѣлтѣрен пек, / Сӑпӑссассӑн — сухӑр пек* «(нар. песня) Не говорите, что паренёк низкорослый, / Хоть он и не высок, но очень боек, / А уж если пристанет, то так просто от него не отвяжешься» [ЧХС-4, 1979: 45]. Чувашский фольклор содержит и произведения, в которых представлено нейтральное отношение к крапиве. Сравните: *Вѣлтѣренсӗр пахча пулмасть* «(погов.) Не бывает огорода без крапивы» [ЧХП-ВС, 2007: 92]; *Вѣлтрен хаяр, вѣлтрен хаяр, / Вѣлтрен хаяр, теесӗ. / Алпа тытмасан, урапа пусмасан, / Вѣлтрен пӑрре те хаяр мар. / Пире хаяр, пире хаяр, / Пире хаяр, теесӗ. / Тарӑхтармасан, ҫиллентермесен, / Эпир пӑрре те хаяр мар* «(нар. песня) Говорят, что крапива зла, / Если её не трогать руками, / Не топтать ногами, / Она нисколько не зла. / Говорят, что мы злы, / Если нас не злить, / Не обижать, / Мы нисколько не злы» [ЧХС-4, 1979: 194].

Одним из традиционных символов девушки является в традиционной чувашской культуре **костяника** (чув.: *пёрлӗхен*). Сравните: *Пёрчи-пёрчи пёрлӗхен / Пёрчи пёр тенк тӑрать вӑл. / Ой, йӑмӑк Зоя пур, / Пин те пёр тенк тӑрать вӑл* «Ягоды костяники драгоценны, / Каждая ягодка стоит один рубль. / Наша сестрица Зоя драгоценна, / Она стоит тысячу и один рубль» [там же: 98]. Костяника в чувашской языковой картине мира характеризуется положительной коннотацией, это растение может выступать одним из символов счастья. Сравните: *Сулӑн пёр аякки — хурлӑхан, / Сул тепӗр аяккинче — пёрлӗхен. / Пёрлӗхенне пухакан — телейлӗ сын, / Хурлӑханне пухакан — телейсӗр* «По одну сторону дороги растёт смородина, / По другую — костяника. / Тот, кто собирает костянику, — счастливый человек, / А тот, кто собирает смородину, — несчастный» [там же: 202].

Женской символикой и положительной коннотацией характеризуется в традиционной чувашской культуре и такой представитель дикорастущих розоцветных розовых растений, как **таволга** (чув.: *тупӑлха*). Сравните: *Шывӑн леш аяккинче / Юн пек хӗрлӗ тупӑлха, / Каҫса касса пулмарӗ. / Леш вӑйӑра тусӑм пур, / Кайса курса пулмарӗ* «На противоположном берегу реки / Есть таволга, красная, как кровь. / Я не смог туда переправиться и сорвать её. / На том, другом, грище есть девушка, / Но я не смог сходить туда и увидеть её» [ЧХС-3, 1978: 117].

Таким образом, проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что изучение механизма языковой категоризации мира, проводящееся на основе сопоставительного семантического исследования двух и более неродственных национальных языков, позволяет выявить своеобразие восприятия мира разными народами и характер его отражения в этнокультурных особенностях семантики языкового знака. Семантическое пространство каждого языка детерминировано наличием универсальных и этноспецифических концептуальных структур, формирующих облик национальной культуры. Сходства и совпадения в области культурной коннотации в анализируемых языках свидетельствуют о частичной общности образного фонда сравниваемых культур, обусловленной в том числе и длительным мирным проживанием на территории одного государства. Явления расхождения и лакуарности, обнаруженные в процессе исследования, обусловлены спецификой менталитета, истории, религиозных верований, что подтверждает определённую долю независимости в развитии каждой из сопоставляемых культур.

Список литературы

- ОП — Обрядовая поэзия / Сост. В.И. Жекулина, А.Н. Розов. М.: Современник, 1989. 735 с.
- Obrydovaja poezija [Ritual poetry], Moscow: Sovremennik, 1989. 735 p. (in Russian).
- Чапушки / Сост. Л.А. Астафьева. М.: Советская Россия, 1990. 656 с.
- Chastushki [Limericks]. Moscow: Sovetskaja Rossiya, 1990. 656 p. (in Russian).
- ЧРС — Чувашско-русский словарь / Под ред. М.И. Скворцова. М.: Русский язык, 1982. 712 с.
- Chuvashsko-russkij slovar' [Chuvash-Russian Dictionary], Moscow: Russkij jazyk, 1982. 712 p. (in Chuvash).
- ЧТ-ЧХК — Чăваш тĕнчи. Чăваш халăх каларăшĕсем / В.П. Галошев пухса хатĕрленĕ. Шупашкар: Чăваш университетĕн издательстви, 2003. 164 с.
- Chavash tenchi. Chavash halah kalarashesem [Chuvash world. Chuvash folk sayings], Shubashkar, Chavash universitechen izdatel'stvi, 2003. 164 p. (in Chuvash).
- ЧХС-3 — Чăваш халăх сăмахлăхĕ: 6 т. / Отв. ред. Г.Ф. Юмарт. Шупашкар: Чăваш кĕнеке издательстви, 1978. 512 с. 3 том.
- Chavash khalah samakhlakhe: v 6 tomakh. Tom 3: Jurasem [Chuvash folklore. 6 vols. Vol. 3: Songs], Shubashkar, Chavash kenege izdatel'stvi, 1978. 512 p. (in Chuvash).
- ЧХС-4 — Чăваш халăх сăмахлăхĕ: 6 т. / Отв. ред. Г.Ф. Юмарт. Шупашкар: Чăваш кĕнеке издательстви, 1979. 480 с. 4 том.
- Chavash khalah samakhlakhe: v 6 tomakh. Tom 4: Jurasem [Chuvash folklore. 6 vols. Vol. 4: Songs], Shubashkar, Chavash i kenege zdatel'stvi, 1979. 480 p. (in Chuvash).
- ЧХП-ВС — Чăваш халăх пултарулăхĕ. Ваттисен сăмахĕсем / О.Н. Терентьева пухса хатĕрленĕ. Шупашкар: Чăваш кĕнеке издательстви, 2007. 493 с.
- Chavash khalah pultarulakhe. Vattisen samakhesem [Chuvash folklore. Proverbs], Shubashkar, Chavash kenege izdatel'stvi, 2007. 493 p. (in Chuvash).